

ВАЛЕРИЯ ГОРБАЧЁВА

*Рельсы
на небеса*

Валерия Горбачева

Рельсы на небеса

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165645

Рельсы на небеса: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-26766-8

Аннотация

Она – симпатичная и очень серьезная девушка. Он – самоуверенный тип с замашками бандита. Судьба свела их в купе поезда, который через несколько часов должен взлететь на воздух... Лена направлялась в командировку, а Эльнар планировал совершить теракт. И если он не взорвет поезд, окажутся взорванными детский дом и больница. Таково условие террористов. Так что обратной дороги у молодого смертника нет. Как и у Лены, которая успела полюбить Эльнара. Так что же они предпримут? Как выйдут из этой ужасной ситуации?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

56

Валерия Горбачева

Рельсы на небеса

*Как я проснулся – сам не знаю,
Вдруг просто понял, что не сплю...
Евгений Горбачёв*

– Лена, тебя! – Наталья Сергеевна, как всегда, первая взяла телефон и протянула мне трубку.

Сердце привычно сжалось на какие-то доли секунды. Даже не сжалось, а скорее толкнулось чуть сильнее, чем обычно, но тут же выровнялось. Я даже не успела вздохнуть, презирая себя за слабость. Конечно, это не он. Он не звонит уже год. И, слава богу, как говорится. Я взяла трубку:

– Алло.

– Леночка, привет, как дела? – Это звонила моя подружка, бывшая одноклассница, потом бывшая однокурсница, а еще и постоянная соседка – Настя.

– Привет, – обрадовалась я, – у меня нормально все. А у тебя?

– И у меня, – так же радостно ответила Настя.

Удивительно банально мы иногда себя ведем. Вот, Настя, например. Мы видимся с ней раз в два-три дня, поскольку

не только дружим со школы, но и живем в одном доме. У нее семья, муж, ребенок, а то бы встречались мы еще чаще. Но перезваниваемся мы каждый день, а то бывает и в день несколько раз, если что-то нужно решить или обсудить. И каждый раз она спрашивает: «Как дела?», а я отвечаю: «Нормально!» Это у нас вместо приветствия, наверное. Да нет, вроде «привет»-то тоже произносится. В общем, банальны и автоматизированы мы до ужаса.

– Лен, ты помнишь, что в субботу мы идем к Ирке на день рождения?

Конечно, я помнила. Очень хорошо помнила, потому что идти туда мне совсем не хотелось, хотя собиралась там вся наша институтская компания. Как-то так сложилось, что, окончив институт, мы не разбежались кто куда, а продолжали дружить. Уже десять лет. Новый год встречали вместе, дни рождения отмечали, да и просто так иногда собирались... У нас хорошая компания, но идти на день рождения к Ире мне не хотелось. По целому ряду причин. Во-первых, у меня сейчас совсем туго с деньгами, а компания приглашенных решила скинуться и подарить «что-нибудь существенное», как выразился кто-то из наших активистов. И как им сказать, что я «ограничена в средствах»? Как-то неудобно, скажут, что жмусь. Сегодня понедельник, где бы найти денег до пятницы? Потому что в субботу уже день рождения. А получка только на следующей неделе.

– Леночка, скидываемся по полштуки, завтра – крайний

срок, – Настя тараторила легко и весело. Конечно, у нее муж хорошо зарабатывает, ей и по тысяче скинуться было бы не слишком заметно для бюджета. – Решили, что по штуке – не все потянут, а пятьсот рублей – это каждый может. Я собираю деньги.

«Пятьсот – это каждый может». Я в ужасе: завтра вторник. Ну откуда взять мне сейчас пятьсот рублей?

– Хорошо, Настюша, занесу их тебе вечером. – Что я говорю?! Откуда я возьму деньги? Занять у кого-нибудь, что ли? У самой же Насти можно, конечно, или у Анатолия Семеновича, папиного друга. Он рад будет помочь, он нам с бабушкой всегда помогал, да и теперь они с тетей Катей меня не забывают. Но очень уж не люблю я занимать. Да и кто любит?

– Лена, а завтра после работы мы пойдем выбирать подарок. Я за тобой зайду. Лады?

Еще одна причина, почему я не хотела идти на этот день рождения, это потому, что мне пришлось бы покупать подарок. «Что-нибудь существенное». Я знала, как все будет: Настя сунет мне кучу денег, извинится: «Дорогая, дочку надо из садика забрать, а то мой опять застрял где-то. Боже, как мне это надоело, никакой жизни... Ну ты сама посмотри, ладно? Я на тебя надеюсь», – и убежит.

– Ладно, Настя, заходи после работы. Пойдем.

Почему я не смогла сказать, что не пойду выбирать подарок? Пусть кто-нибудь из нашей компании хоть иногда ре-

шал бы этот вопрос.

– Лен, и последнее. – Сейчас Настя скажет, что отмечать день рождения будут в кафе. – Ирка не хочет возиться дома, поэтому все идем в кафе.

Ну, что я говорила? А это, между прочим, третья причина, почему я не хотела идти – я не люблю рестораны и кафе. Не люблю, и все. Там ни поговорить как следует, ни фотографии старые институтские посмотреть. Там музыка, танцы и сигаретный дым. Я не курю, а танцевать меня не приглашают. Я скучная. Но очень ответственная. Да, именно так Володя и сказал – «ответственная, но скучная». Конечно, он сказал это не мне. Понятное дело, глядя в глаза, мужчины такое не говорят, я случайно услышала. Это было год назад. Володя – муж одной из наших институтских подруг. Теперь муж. Год назад они еще не были женаты официально, но жили, оказывается, вместе. Я этого не знала.

Я вздохнула. Елки-палки! Прошел уже целый год, а я все равно нет-нет, но вспоминала эту историю. И буду вспоминать, наверное, до следующей, точно такой же. Потому что они все похожие. Первая моя любовь случилась еще в институте и продолжалась ровно неделю, а потом парень сказал, что я очень хорошая, но... Дальше было все, как в романах: он сказал, что я только друг и что вообще у меня все еще будет хорошо. И конечно, что он такой нехороший и что он меня недостойн, а я найду себе отличного парня и буду счастлива с ним всю жизнь. Они все говорили, что они меня

недостойны и что я должна найти хорошего парня. Вернее, теперь уже говорят, что хорошего мужчину. Конечно, когда тебе перевалило за тридцать, с мальчиков и парней пора уже переключаться на мужчин...

– Дорогие коллеги, минуточку внимания. – Это наша начальница Ирина Матвеевна вышла из своего кабинета. Вообще-то она не любила, когда ее звали по имени-отчеству, предпочитала, чтобы ее называли просто по имени – Ирина. Она старше меня лет на десять, кажется. Но я называла ее, как она просила – по имени. Как и другую нашу сотрудницу – Ксению. Она ровесница Ирине, но тоже предпочитала просто имя. У нас только Наталью Сергеевну и еще Зинаиду Геннадьевну все называли по имени-отчеству, потому что они намного старше всех, им в следующем году на пенсию.

– Нужно смотаться в столицу, – Ирина всегда изъяснялась в свободно-молодежном стиле, порой даже грубовато, но мы привыкли и даже иногда сами невольно копировали такую манеру, потому что она казалась удобной и веселой, – поездка на один день – туда-обратно, ничего страшного, только отвезти документы.

– Командировочка простая, но не легкая, – тут же прокомментировала Ксения, – две ночи в поезде.

– Зато и командировочных три дня, – Ирина улыбнулась, понимая, что на один день ехать никто не захочет.

Наш центр по охране памятников занимался многими видами работ: от реставрации памятников культуры до орга-

низации археологических раскопок. Почти все это приходилось согласовывать или утверждать в Москве. И финансирование крупных работ или работ на особо значимых объектах тоже шло из министерства. Поэтому в Москву мы ездили очень часто. От нас до Москвы двенадцать часов езды на поезде, и очень удобное расписание: вечером садишься, ночь спокойно спишь, и утром ты в столице, а вечером из Москвы – ночь снова в вагоне, и рано утром – дома, еще даже и на работу при желании успеваешь. Только вот желания обычно-то и не было. Тяжело: две ночи в поезде – это же не дома на своей кровати спать, а потом день по Москве набегаешься – ног не чувствуешь, и если утром еще и на работу... Никто такие командировки не любил. Поэтому все молчали. И тут меня осенило. Три дня командировочных – это же триста рублей! В Москве можно было и не есть, за один день от голода еще никто не умирал, в крайнем случае, прихватчу бутерброд из дома. Проезд на метро нам оплачивали дополнительно. И тогда мне оставалось занять всего двести рубликов на подарок.

– Ирина, давай я поеду, – сказала я, – когда отправляться?

– В среду нужно быть в Москве, – Ирина обрадованно обернулась ко мне, – значит, выезжать завтра. Лена, я понимаю, что тяжело, но выручишь, да?

– Конечно, я поеду, – я немного стеснялась спросить про деньги. Выплатят ли их сразу? Но Ирина обычно в командировки в долг не посылала. – Можно, я тогда сейчас сразу за билетами на вокзал поеду? А то после работы в кассах обыч-

но много народу.

– Конечно, давай, лети на вокзал. Деньги в бухгалтерии возьми, они уже знают. Тебе сейчас все и выплатят – и на билеты, и суточные, и на метро.

Отлично! Настроение моментально улучшилось. Я быстро проверила, с собой ли у меня паспорт, и полетела в бухгалтерию. А Ирина тем временем повернулась к Наталье Сергеевне:

– Наталья Сергеевна, оформите приказ на Лену. Она едет в министерство. Цель командировки – подача заявки на финансирование реставрационных работ на объекте культурного наследия... – что она говорила дальше, я уже не слышала, так как находилась в бухгалтерии. Совершенно неожиданно мне выдали кучу денег.

– Что-то много, – я растерянно посмотрела на бухгалтера. – Вы мне с запасом даете, что ли?

– Лена, тебе суточные выдали в расчете по двести пятьдесят рублей в день, – Зинаида Геннадьевна, улыбаясь, качала головой. – Ты как будто первый раз едешь, это же с платных командировка, а не бюджетная.

Настроение взлетело до невиданных высот. Семьсот пятьдесят суточных! Фантастика! Можно жить. И даже поесть в Москве. Только нужно сейчас позвонить Насте и предупредить ее, что за подарком не получится пойти, потому что завтра вечером у меня поезд. Я волновалась. Как бы не обиделась моя подружка, что я так вот неожиданно уезжаю. Конечно,

но, она должна понять, что я еду в командировку, а не по своим делам. Но все равно, как ей сказать, чтобы она не сильно расстроилась? Ладно, позвоню ей, когда вернусь с вокзала.

На улице было пасмурно и довольно холодно. Конечно, еще только начало марта – весна только по календарю. Хотя снега почти уже и нет – только небольшие грязные сугробы на газонах напоминали, что была зима, снег, морозы и холодное солнце. Скоро, совсем скоро все станет по-другому: будет трава, цветы и жара. И отпуск. Каких-то четыре месяца – и начнется отпуск. Через месяц я начну потихоньку планировать, что стану делать в отпуске. Сейчас еще рановато, но за три месяца можно начинать фантазировать. Отправлюсь, например, в Зеленогорск, к тете Оле. Там у нее свой дом, прекрасный сад, пушистый кот Барсик и огромный лохматый Грей – кавказская овчарка, которую я просто обожаю... Так, хватит, рано еще мечтать. Я же сказала – через месяц. Просто когда у меня хорошее настроение, то всегда сразу хочется помечтать о чем-нибудь приятном. Как у всех, наверное.

Вокзал встретил меня прохладой полупустых залов. Со всем недавно в здании сделали капитальный ремонт, и теперь там красивые плиточные полы, стильные стеклянные тамбуры и затемненные окна. Красиво и чисто. А сейчас и народу мало, удачное время я выбрала: в кассовом зале вообще ни души.

– Один плацкарт до Москвы на завтра... – я назвала число

и протянула в кассу паспорт, – и обратно на среду.

– Завтра плацкарт только на дополнительный поезд, – милая девушка быстро посмотрела что-то в компьютере, – отправление в двадцать один тридцать, прибытие в девять сорок восемь.

– Давайте, – можно было, конечно, взять и купейный билет, но зачем тратить лишние деньги? Пусть даже и казенные. Тем более основной поезд прибывает в Москву в шесть часов утра – зачем мне в такую рань? На вокзале сидеть? В любом учреждении рабочий день только с девяти. Так что даже неплохо, что на дополнительном поезде.

Девушка ловко набрала что-то на компьютере, взяла просунутые мною в окошко паспорт и деньги и, скороговоркой прочитав данные моих билетов – время отправления и прибытия, – подала билеты и сдачу.

– Спасибо, – я проверила еще раз билеты, просто так, по привычке, не отходя от кассы. Однажды я наблюдала, как женщину, которой неправильно выбили фамилию, а она сообщила об этом кассиру, похвалили. Сказали, что потом были бы трудности, пришлось бы оформлять возврат билетов, и женщина потеряла бы в деньгах. Мне это почему-то врезалось в память, и с тех пор я всегда проверяла билеты.

Как только я вышла из здания вокзала, неожиданно выглянуло солнце, и серый пасмурный день показался каким-то... многообещающим.

На работе начальница, покачав головой, только вздохнула:

– Лена, почему купейный-то не взяла? Все сэкономишь?

– Ирина, я на самом деле больше люблю ездить в плац-карте, – оправдывалась я смущенно, – еще неизвестно, кто тебе в купе попадется, а плацкарт – тот же вокзал, неважно кто рядом, все равно все вместе.

– Боишься, что ли? – вступая в разговор, весело спросила Ксения. – Маньяков опасаясь?

Я рассмеялась. В общем, не без этого, но признаться было стыдно. Особенно Ксении. Потому что она вызывала у меня смешанное чувство восхищения и зависти. Белой зависти, хорошей. Она какая-то легкая, уверенная и смешливая. И за это ее все любили. Все. И мужчины в том числе. Ксения работала у нас чуть больше полугода, но и за такой короткий срок я успела заметить, как на нее реагировали мужчины. К нам по работе приходило много посетителей, и было очень заметно, что стоит ей поднять глаза на любого из них и улыбнуться, как они тут же начинают глупо улыбаться в ответ, говорить комплименты, а которые послабее, так и заикаться и что-то про глаза или про вечер бормотать. А она только смеялась. И не боялась ничего: ни показаться смешной, глупой или вольной, как говорила моя бабушка. Не стеснялась кокетничать и смотреть глубоким завораживающим взглядом. Наверно, так называется этот взгляд, от которого мужчины начинают тормозить и дергаться. А ей смешно. И никаких надежд она им не оставляет, при малейшей попытке попросить телефон или договориться о чем-то конкретном, дает

от ворот поворот окончательно и без вариантов. И никто не обижался. Вот что странно. Все ходили довольные и веселые. Один раз я тоже попыталась посмотреть внимательно на какого-то из заказчиков, но в ответ прочитала в его глазах только недоумение. Пришлось срочно выходить из кабинета, по делу якобы. Больше не экспериментировала. И не уродка я вроде, по крайней мере, на улице люди от меня не шарахаются. Как было написано в одной книге «не косая, не рябая, и из носа не течет».

За чаем вагонная тема почему-то получила продолжение. Воспоминания о том, кто, когда и как ездил, какие случаи бывали, сменяли друг друга. Ирина очень смешно рассказывала, что когда ей пришлось первый раз ехать в СВ, они с подругой постеснялись спросить, включен ли ужин в стоимость билета. Испугавшись, что придется платить большие деньги, отказались от еды. А потом выяснилось, что ужин был включен в стоимость, и на обратном пути они уже ели, жалея пропавшую в прошлый раз еду. Я слушала и не верила – неужели и Ирина могла постесняться спросить? Мне кажется, что это только я такая трусиха.

– А я люблю купе, – сказала Ксения. – Мне как-то всегда везло на соседей.

– И не боялись ничего? – случайно вырвалось у меня.

– Я свое отбоялась, – усмехнулась Ксения. – Больше не боюсь.

И Ирина как-то понимающе и сочувственно кивнула го-

ловой. Видимо, что-то с Ксенией когда-то произошло. Очень хотелось спросить, но было как-то неудобно.

Ближе к концу рабочего дня я решила, что пора звонить Насте. Но сначала набрала номер папиного друга – Анатолия Семеновича.

– Алло, – вежливый голос тети Кати, жены Анатолия Семеновича, вызвал у меня теплую улыбку. Я всегда улыбаюсь, когда слышу голос тети Кати или Анатолия Семеновича.

– Тетя Катя, здравствуйте, это Лена Суворова.

– Леночка! – обрадованно воскликнула тетя Катя. – Здравствуй, дорогая, как дела? – Надо же, и она тоже задает такие банальные вопросы. Мне стало весело.

– Спасибо, все хорошо. Тетя Катя, я сказать хотела, что завтра в командировку уезжаю.

– Куда?

– В Москву, тетя Катя, но ненадолго, всего на один день.

В четверг уже дома буду.

– Понятно, Леночка, ну хорошо, поезжай, отвлекись от рутины, – она засмеялась, – только устанешь, наверное.

– Ничего, впереди выходные.

– И то верно.

– У вас как дела?

– Все хорошо, дорогая, езжай спокойно.

– До свидания, привет Анатолию Семеновичу передавайте.

Теперь я наконец собралась с духом, чтобы позвонить На-

сте.

– Настя, слушай, я сегодня вечером забегу к тебе, занесу деньги, – начала я после традиционного «привет» и ее традиционного «как дела?», – во сколько тебе удобно?

– Мне все равно, только не позже десяти, – ответила подруга, – а можешь вообще завтра отдать, если хочешь. Мы же с тобой завтра идем за подарком.

– Понимаешь, Настюш, – я вздыхаю, – завтра я не смогу, уезжаю в командировку.

– Да? В командировку? – Настя удивилась не на шутку. – Еще с утра ты вроде никуда не собиралась...

– Срочно документы повезу. В Москву.

– И надолго ты едешь? – Настя даже как будто расстроилась. – Когда вернешься-то?

– Нет, не надолго, на один день всего, в четверг уже буду дома.

– Это хорошо, – с облегчением произнесла подруга, – значит, в четверг пойдем за подарком.

– Ладно, – согласилась я, – но если кто-нибудь изъявит желание до четверга поискать чего, то я не возражаю.

– Смеешься?

– Нет, – робко сказала я, – может, ты с кем-нибудь другим договоришься пойти. Возьми кого-нибудь...

– Даже не мечтай, – не дала мне договорить подруга. – Приедешь, и пойдем.

– Хорошо, пойдем, – вздохнула я, – но деньги я тебе все

равно занесу сегодня вечером.

В ответ Настя рассмеялась:

– Заноси, конечно, а то растратишь по столицам. Заодно обсудим, в чем идти в кафе. Там не только наши будут, но и с Иркиной работы приглашенные. Ты должна выглядеть на все сто.

– Почему это?

– Мужчины будут. И даже некоторые из них свободны. Мне Ирка по секрету сказала. Так что будем тебя замуж выдавать.

– Настя, прекрати, – возразила я устало, – ты же знаешь, у меня завышенные требования к мужчинам. Таких, чтоб мне понравились, теперь нет.

– Вечером обсудим, – бесцеремонно перебила меня подруга, – только очень поздно не приходи, а то Олеся спать потом не уложишь. Пока.

– Пока. – Я обреченно положила трубку. Ну, и как объяснить Насте, что не только я не нравлюсь мужчинам, но и мне они тоже не нравятся. Вернее, мне уже давно никто не нравился. Не попадались мне такие, какие представляются... Ну пусть не идеал, но хоть что-то близко к нему. Близко к настоящему мужчине. А это желательно без физических нарушений внешности – не урод, короче. И чтобы не грубый, грубость просто не выношу, и не дурак, потому что с дураком сложно. Состоявшийся, не размазня, не слюнтяй, не алкоголик, без проблем, и чтобы одет был хорошо. И не женатый.

Наверное, такие есть. Почти наверняка есть, только на меня они вряд ли когда посмотрят. А на другого я не согласна.

Подняв глаза, я увидела, как улыбается Ксения, видимо, отреагировав на наличие у меня «завышенных требований».

– Все замуж меня пытаются пристроить, – сказала я с улыбкой, – планируют, в чем я должна в кафе пойти, чтобы кому-то там понравиться.

Почему я вдруг все это сказала, я не поняла. Наверное, чтобы перевести все в шутку, а то еще подумают, что я комплекую. А может, мне просто хотелось поговорить с Ксенией.

– В чем идти, это, конечно, важно, – Ксения улыбнулась, но как-то странно, как будто осторожно. – Тут главное – не забыть, что важнее всего не кому-то понравиться, а самой себе.

Самой себе я больше всего нравлюсь в джинсах и свитере. Но в них в кафе не пойдешь. Этого я вслух не сказала, а в ответ на слова Ксении согласно кивнула головой. Типа, конечно, конечно, это же ясно как божий день. И Ксения замолкла. А я расстроилась. Почему бы не обсудить с ней эту тему? Не посоветоваться? Тем более мне показалось, что она была готова поговорить. А я, испугавшись, что меня сочтут то ли глупой, то ли дикой, сделала вид, что все и так понятно. Но на самом деле мне ничего не понятно. И опять пойду на встречу в том, в чем хожу всегда – юбка и блузка. Прилично и скромно. Сколько бы Настя ни уговаривала меня на

мини-юбку или платье с декольте.

Настроение, поднявшееся после покупки билетов, снова упало. Вернее, не то чтобы испортилось, а просто снова стало никаким. Может, после работы в магазин зайти, купить что-нибудь вкусненькое? Киви, например. Очень я уважаю киви, особенно с мороженым. Куплю себе пломбир «Белоснежный» и киви и съем вечером. Я вздохнула, выключила компьютер и собралась домой. Нет, не пойду в магазин, нечего деньги тратить. В Москву совсем без денег ехать нельзя. Мало ли что. А продукты дома есть, я все запасы сделала еще в воскресенье.

Дома, скинув куртку и сапоги, я полезла в шкаф. Достала свои любимые джинсы и несколько свитеров, выбрала тонкую футболку и, разложив все это на диване, пошла в душ. Стоя под сильными струями воды, я предвкушала, как буду сейчас примерять свитера и выбирать, в чем поеду в командировку. И уже мысленно прикидывала – серый свитер лучше или синий. Или вот еще розовый мне идет. Сквозь шум воды я с трудом различила телефонный звонок и, кое-как обмотавшись толстым полотенцем, выскочила из ванной.

– Алло!

– Лена, ты чего к телефону не подходишь? – Настя, как всегда, рассердилась. Она терпеть не могла дозваниваться, такая у нее особенность. Она считала, что все всегда должны находиться рядом с телефоном и брать трубку после первого же звонка.

– Настюша, я в душе была, – оправдываюсь я, – ты долго звонила? Прости, пожалуйста.

– Ничего, – милостиво простила она меня, – я не очень долго ждала, пока ты вылезешь из ванной. Ты собираешься к нам?

– Да, только сейчас решу, в чем в командировку завтра ехать...

– Потом решишь, давай, приходи сразу. – Настя, похоже, попутно еще что-то готовила, потому что у нее что-то шумело и шкварчало. – Только ты не ужинай, Лен, ладно? С нами поужинаешь.

– Брось, Настя, зачем это нужно? – В мои планы ужин в гостях не входит. – Ужинайте сами, я попозже приду.

– Нет, мы тебя ждем. Давай, приходи сразу. У тебя пятнадцать минут на сборы. Только я тебя умоляю – не носи ничего, у нас все есть.

«Не носи ничего»... понятно, но что бы такое взять к ужину? Как была, обмотанная полотенцем, я заглянула в холодильник. О, замечательно! Маленькая баночка тети-Олиных помидорчиков так и стояла не открытая. Вчера я достала ее из кладовки и поставила в холодильник, потому что холодные помидоры вкуснее, но открыть почему-то не открыла. Забыла, наверное, ну и хорошо. Лучшего гостинца и не придумать, потому что вся Настина семья обожает помидорчики моей тетушки. Так, теперь надо было решить, в чем идти. Джинсы только постиранные и даже выглаженные, но в них я

хотела ехать в Москву... Ну и что? Что станет с ними за один раз? Я же не уголь грузить иду. Быстро уговорив себя таким образом, я влезла в штаны, натянула приготовленную футболку. Был соблазн все-таки померить свитер, хоть один, но, взглянув на часы, я остановилась – времени почти не оставалось, и, накинув куртку, отправилась в соседний подъезд, где жила Настя.

Только войдя в квартиру подруги, я поняла, что на ужин меня пригласили не просто так. Из кухни доносились мужские голоса, Настя, открывшая мне дверь, довольно улыбалась, а Олеся, пятилетняя дочка Насти, радостно кинулась ко мне со словами: «Тетя Лена, а мне дядя Андрей мишку подарил!» Оценив ситуацию, я даже не стала разуваться.

– Настя, у вас гости? Я тогда потом зайду.

– Не выдумывай. – Настя начала стаскивать с меня куртку. – Это Андрей приехал, давай проходи.

Андрей – это брат Настиного мужа. Пожалуй, один из немногих мужчин, которые близки к тому самому идеалу. Симпатичный, веселый, внимательный. Никогда не смотрит на меня как на пустое место, всегда улыбается и всегда, кажется, рад меня видеть. У него только один недостаток. Он женат. Мне он даже нравился одно время, пока не женился. Впрочем, и сейчас нравится. Поэтому я лучше пойду домой. И я снова натянула на плечи уже почти снятую было куртку.

– Нет, Настя, я пойду, а то мне еще в командировку собираться...

– Ваня, – Настя, не отпуская моего рукава, громко позвала мужа, – Ваня, Лена не хочет проходить!

Из кухни тотчас же показался мужчина. Но не Иван, а Андрей.

– Лена, привет! – довольно радостно поздоровался он. – Ты чего не проходишь?

В ответ я пробормотала что-то невнятное про командировку, покраснела и улыбнулась.

– Ничего страшного, проходи, мы тебя долго не задержим, – как всегда, вежливо произнес Андрей, – поужинаем вместе, а то сто лет не виделись.

И мне ничего не оставалось, как послушно снять многострадальную куртку, кое-как пригладить растрепанные волосы, еще больше расстроиться, взглянув на себя в зеркало – «даже не накрашена!», и пройти на кухню. Видно, что меня ждали, потому что салаты стояли нетронутые, тарелки сверкали, а в бокалы еще не налили вина. И от этого мне стало совсем неловко, и я не смогла выдавить из себя ни слова.

В общем, вечер для меня стал самой настоящей пыткой. Андрей что-то у меня спрашивал, я отвечала односложно, смотрела по большей части в свою тарелку и, как всегда, много внимания уделяла Олесе, отвечая на ее вопросы и восхищаясь новым мишкой. После чая я все-таки поднялась. Пробормотав что-то вроде: спасибо, но я пойду, мне еще собираться и вообще, все прошло прекрасно, рада была повидаться – я выскочила в коридор. Настя, вышедшая меня про-

водить, схватила меня за руку и зашептала прямо в ухо:

– Ты что – ненормальная? Что ты уходишь? Оставайся! Потом Андрей тебя проводит, потому что будет уже поздно, а сейчас, пока еще светло, как он пойдет тебя провожать?

– Не надо меня провожать, я и сама дойду.

– Лена, ты что, не заметила, как он на тебя смотрел? Оставайся, а потом он тебя проводит, а ты пригласишь его к себе...

– Настя, ты в своем уме? – Я вырвала руку и покрутила пальцем у виска. – Он же женат!

– Сегодня женат, а завтра разведен, – философски заметила подружка. – Мне его жена не нравится.

– Главное, чтобы ему нравилась.

– Ему, по-моему, ты нравишься.

– Настя, прекрати, – я разозлилась. Разозлилась потому, что мне были приятны ее слова. Потому, что Андрей мне все-таки нравился. И мне хотелось, чтобы все было именно так, как говорила Настя: я ему нравилась, и он пошел бы меня провожать. Но это просто невозможно. Неприлично. Так нельзя.

– Нет, ты точно ненормальная, – Настя покачала головой, – давай пятьсот рублей и проваливай.

Мне стало смешно.

– Настюш, я тебя обожаю, – достав из кармана сложенные сторублики, я протянула их подружке, – как приеду, я тебе позвоню.

– Давай, удачи тебе в командировке, – Настя улыбнулась мне в ответ и чмокнула в щеку, – жалко, а так бы, может, породнились...

– Мы и так почти родные, – извиняющимся тоном сказала я, – ну, прости, Насть, ну ты же понимаешь...

Распрощавшись, я ушла. И, придя домой, конечно же, пожалела о том, что не послушалась Настю. Посидела бы еще немного, глядишь, и правда Андрей бы меня проводил. И даже, может быть, зашел в гости. Я мельком оглянула свою комнату – прибрано, уютно. Не стыдно принимать гостей. Только свитера валяются на диване, но это даже неплохо – комната выглядит жилой и естественной. Сразу становится ясно, что никого специально не ждали, что всегда так чисто... Да, а что толку? Все равно никто не пришел. И сама в этом виновата. Я вздохнула. Ну и ладно, зато свитера спокойно примерю. Выбрав светло-серый свитер, я немного покрутилась перед зеркалом. Да, в джинсах и свитере я себе нравилась. Какая-то и стройная вроде, и современная вполне. Почему я на работу не хожу в джинсах? Нет, я не чумичка какая-то, носящая только скромненькую юбочку ниже колен и темненькую кофточку. Хожу и в брюках, и блузки у меня вполне модные. Но джинсы – это что-то совсем другое. Их плотное облегание меня и радует и смущает одновременно. Поэтому на работу я хожу в довольно широких брюках, а джинсы оставляю на походы к Насте, в магазин или просто для дома. Или вот для командировки.

Лежа в кровати, я позволила себе немного помечтать, что было бы, если бы Андрей пошел меня провожать. Мы остановились бы около подъезда, и он, придерживая тяжелую дверь, сказал бы: «Давай провожу тебя до квартиры, а то мало ли что...» и я, улыбнувшись, молча кивнула бы головой. Около квартиры я, открывая дверь ключом, вежливости ради, пригласила бы его на чашку чая или кофе, и он бы зашел. Конечно, Андрей попытался бы обнять меня прямо в коридоре, но я, изящно выскользнув из его рук, прошла бы на кухню ставить чайник. Он прошел бы следом, и, подойдя ко мне сзади, обнял за плечи. Я удивленно бы обернулась, и его губы встретились бы с моими. На этом месте я расхохоталась. Господи, до чего же банально! Я даже не придумала ничего своего. Этот эпизод был настолько явственно взят из какого-нибудь фильма или вычитан в какой-нибудь книжке, что даже Андрей в нем казался каким-то совсем ненастоящим, а только смутно имеющим что-то общее с реальным мужчиной, сидевшим сегодня со мной за одним столом. Этот реальный мужчина даже не сделал попытки удержать меня. Я вздохнула. Но все равно, приятно было представить волнуемый, нежный, романтичный поцелуй с красивым мужчиной, совершенно забыв при том, что он женат. Я свернулась в клубок под одеялом и закрыла глаза, снова прокручивая в уме красивый эпизод с провожением: подъезд, тяжелая дверь, приглашение на чашку чая, поцелуй. Кино про любовь со мной в главной роли...

Проснулась я за пять минут до будильника. Как всегда. Потянувшись, бросила взгляд на часы и снова прикрыла глаза. Пять минут, как всегда, на то, чтобы вспомнить, что мне снилось. Где-то когда-то в каком-то журнальном психологическом тесте был вопрос: «Просьпаясь, Вы первым делом... а) вспоминаете, что вам снилось; б) планируете предстоящий день; в) просто встаете». Почему-то я этот вопрос запомнила. Наверное, потому, что ответила тогда неправду. Я ответила, что планирую свой день, а на самом деле я всегда вспоминаю, что мне снилось. Потому что очень часто мне снятся интересные, сюжетные сны. То я кого-то спасаю, то путешествую, то влюбляюсь, даже дерусь иногда. Жутко интересно. Хотя и нельзя так выразиться. Как говорила моя бабушка, «жутко» и «интересно» – это не сочетаемые слова, как и «страшно нравится». Но мне и правда страшно нравятся мои сны, именно потому, что в них мне жутко интересно. Прости, бабушка, но у нас на работе так все говорят. Но сегодня мне не снилось ничего. Точнее, конечно, я просто не помню. Это из-за выпитого вчера бокала вина. Я и раньше замечала, что хорошее красное вино действует на меня как снотворное – я сплю после него как убитая. Зазвенел будильник, и я поднялась. Пора на работу. Привычный утренний ритм: душ, чайник на плиту, утюгом чуть погладить водолазку, немного теней на веки... Уже на ходу допивая чашку зеленого чая и быстро проверяя, не забыла ли ключи, часы и телефон, я вдруг осознала, как хорошо, что поезд у меня до-

полнительный и отпраляется попозже, успею после работы зайти домой, спокойно поужинать и переодеться.

Рабочий день пролетел совсем незаметно. Приходили посетители, звонил телефон, кто-то что-то рассказывал за чашем. Абсолютно спокойный, привычный рабочий день. Я, прямо с утра забрав нужные для командировки документы, записав хорошо знакомый адрес министерства на отдельный листок бумаги и засунув его за корочку паспорта – на всякий случай, вдруг споткнусь, как говорится, и забуду, проверив билеты, командировочное удостоверение и сложив все в один пакет, переключилась на обычную работу. О вчерашнем вечере я вспоминала только иногда и, честно говоря, думала не столько о реальном ужине, сколько о несостоявшихся проводах. Жалела, что не послушалась Настю. Но особенно предаваться воспоминаниям мне было некогда – работы много, да и вспоминать-то, строго говоря, оказалось нечего. Поэтому, когда в телефонной трубке раздалось: «Лен, привет, это Андрей», я пришла в замешательство.

– Привет! – Мой голос прозвучал, наверное, удивленно, потому что Андрей произнес как-то чересчур поспешно:

– Лена, Настя просила передать, что ты забыла перчатки. Ты ведь уезжаешь сегодня, они тебе нужны, наверное?

– Перчатки? Нет, Андрей, у меня еще одна пара есть. – Вдруг я испугалась, что это звучит невежливо. Люди беспокоятся, переживают, а тут им говорят, что, дескать, зря беспокоились. Мне стало неловко, и я добавила как можно ду-

шевнее: – Хотя, спасибо, конечно, большое.

– Точно не нужны? – спросил Андрей довольно весело.

– Точно, – в тон ему ответила я.

– У тебя как там, много вещей? Сумки тяжелые? – так же шуточно продолжал спрашивать Андрей. – Может, проводить тебя?

– Нет, спасибо большое, но у меня всего один пакет практически с одной бумажкой, – произнесла я все это шуточно и непринужденно, стараясь подыграть ему, даже хихикнула в трубку. Говоря все это, я одновременно понимала, что опять все делаю не так.

– Точно? – переспросил Андрей, но уже не так бодро, как сначала.

– Точно. – Мне очень хотелось сказать ему, что проводить меня можно и без тяжелых сумок. Что просто приятно, когда кто-то машет тебе рукой на перроне и, жестикулируя под окном, просит «пиши», «звони», «возвращайся скорее». Мне очень хотелось все это сказать, но я боялась. Боялась сказать ему, что мне было бы приятно, если бы он меня проводил. А вдруг он скажет, что раз перчатки не нужны и сумок тяжелых нет, то чего я пойду? Вдруг Андрей подумает, что я к нему пристаю? Вдруг он совсем не хотел идти меня провожать, а это Настя пытается нас как-то подтолкнуть друг к другу? Я так и представляла, как она говорит: «Андрей, позвони, может, ей перчатки нужны и спроси, помочь ли ей донести сумки. Давай звони!», а он пытается отвертеться: «Да

неудобно, что я скажу, позвони сама...», а Настя: «Чего тут неудобного, давай я тебе сейчас номер наберу...» и – так далее и тому подобное. В общем, довольно живо я все это себе представила и решительно повторила:

– Точно, Андрей, провожать меня не нужно, спасибо.

– Ну, счастливого пути тогда.

– Спасибо.

Положив трубку, я задумалась. Интересно, хотел он меня проводить или просто из вежливости предложил? Самое грустное в этой истории то, что теперь я этого никогда не узнаю. Настя не признается ни в чем, даже если это она все устроила. В некоторых случаях она способна молчать как стойкий оловянный солдатик или, вернее, как партизан. Андрей тоже никогда не скажет правды. Даже если предположить, что у нас когда-нибудь случится разговор на эту тему, он все равно скажет, типа, да ты что, конечно, я хотел тебя проводить. А если нет, разве бы я стал предлагать! Но разве мужчина скажет женщине такую правду – я не хотел тебя провожать, меня заставили тебе позвонить! Они всегда врут. Да и женат он. А это означает только одно – если он даже хотел меня проводить, значит, будет потом врать своей жене. Кругом одна ложь.

За полчаса до конца рабочего дня я еще раз проверила билеты, бумаги и командировочное удостоверение, уточнила у Ирины, куда и кому сдавать документы, и наконец собралась. Уже выходя из кабинета, я неожиданно остановилась в две-

рях и бросила взгляд на свой стол. Появилось странное чувство, что я забыла нечто такое, что всегда беру с собой. Повинуясь этому чувству, я еще раз подошла к столу и несколько раз выдвинула ящики, переложила бумаги, в смутной надежде, что найду то, что нужно.

– Лена, ты чего? – Ирина удивленно посмотрела на меня. – Потеряла что-нибудь?

– Да нет вроде. Просто чувство такое, что забыла что-то, – сказала я довольно неуверенно, – а что – вспомнить не могу.

– Главное – билеты, деньги и документы, – весело заметила начальница, – а остальное все пустяки. Когда уезжаешь – всегда боишься что-нибудь забыть. Не бери в голову.

– Да, конечно, – соглашаюсь я, – «главное» я проверила.

– Ну, и счастливо тебе. В четверг прямо с поезда не несись на работу-то, – Ирина усмехнулась, – часам к двенадцати подходи, а то и к обеду.

– Спасибо, – радостно кивнула я. До чего ж приятно, когда начальство хорошее – понимающее, – хоть душ принять с поезда спокойно...

– Вот-вот.

Наконец я ушла. Ушла с чувством, что все-таки что-то оставила. Дома это чувство меня не покидало, но я, махнув рукой, переключилась на сборы. Поужинав и собравшись, я какое-то время еще слонялась по пустой квартире, в основном оценивая поглядывая на себя в зеркало, а потом решила, что уже пора. Ничего страшного, если я на вокзал

приеду пораньше, это лучше, чем опоздать, потому что еще неизвестно, как с автобусом повезет, не на такси же потом мчаться. Я нашла весьма веские и объективные причины, чтобы выехать пораньше, но, уже присаживаясь на диван – «посидеть на дорожку», призналась себе, что жду прихода к поезду Андрея. С чего это вдруг я так решила – понять невозможно, но было такое чувство, что он станет меня провожать, поэтому я должна оказаться на вокзале заранее. В общем, я вышла из дома довольно рано.

Пасмурный весенний день заканчивался серым вечером. На улице было уже довольно темно, но с автобусом мне повезло, я ждала его не больше пяти минут, и вскоре уже стояла на вокзале. Посадку еще даже не объявляли, и весь народ толпился в светлом и теплом зале ожидания. И я тоже. Поставив свой пакет на широкий подоконник, я поглядывала по сторонам. Никого нет, как сказала бы Настя, если в целой толпе не видела нужного человека. Наконец диктор правильно-приветливым голосом сообщила, что можно занимать места согласно купленным билетам, – и весь народ двинулся на перрон, а я осталась стоять около окна. Я стояла и ждала Андрея: он ведь не знал, какой у меня вагон, и если бы я села в поезд, то он меня наверняка не нашел бы. Поэтому я и стояла в зале ожидания. Здесь меня найти легко. Стрелка на больших вокзальных часах, висящих над выходом прямо перед глазами, быстро бежала по кругу. Я переводила взгляд с часов на двери и снова на часы: оставалось совсем немно-

го времени до отправления поезда, а Андрея не было. А почему вдруг я решила, что он придет? Потому что мне этого хотелось? И пусть я сама сказала, чтобы Андрей не приходил на вокзал, сказала твердо и однозначно. Пусть. Но если он хотел прийти, разве мои слова послужили бы помехой? Я вздохнула. Все правильно: «если хотел» – вот определяющие слова. Не пришел – значит, не хотел.

Радостно-ожидательное настроение сменилось досадой на собственную глупость. До отправления поезда осталось десять минут. Я схватила пакет и решительно пошла на перрон. Я не сердилась на мужчину, что он оказался таким недогадливым, а удивлялась самой себе. Ну, сколько можно? Вечно я воображаю себе какое-то развитие событий, продумаю слова, интонации, поступки, все распишу, как в театре, до мельчайших подробностей, а когда в жизни все получается совсем не так, или вообще ничего не случается из моих мечтаний, расстраиваюсь. Хорошо хоть на людей не злюсь за то, что они не сделали или не сказали именно то, что я им придумала. Ну конечно, если бы еще и на людей злилась – то была бы не просто дурочкой-мечтательницей, а шизофреничкой. Слава богу, до этого еще не дошло. Но если и дальше буду фантазировать, то скоро свихнусь совсем.

Пожилая проводница, проверив мой билет, равнодушно сообщила, что у меня семнадцатое место, и отвернулась к стоящей рядом с ней проводнице соседнего вагона. А я, оглянувшись еще раз – «никого нет», прошла в полутемный ва-

гон. Пассажиров было не очень много, боковые места почти нигде не заняты, и вообще оставалось много свободных мест. Еще бы: середина недели, дополнительный поезд... Вот и мое место. На соседней полке сидел какой-то парень, уставившись в окно.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась я.

– Добрый, – невнятно пробурчал он в ответ.

Вот интересно, почему в наших поездах при посадке свет не включают? Каждый раз я этому удивляюсь. Вот тронется поезд – врубят свет на полную мощность, и до одиннадцати он будет гореть, хотя в поезде большинство пассажиров укладываются спать сразу после десяти. И вот весь вагон спит при ярком свете. А при посадке – полумрак, даже не разглядеть попутчиков.

Я сняла куртку, уложила пакет под сиденье и уселась около окна. Мне был хорошо виден перрон, почти под каждым окном кто-то стоял, смешно размахивая руками, подавая непонятные знаки и пытаясь что-то сказать. Провожающие. Им, наверное, не очень уютно – на улице сыро и как-то промозгло, но почти никто не уходил. И Андрей мог бы стоять так же... Я вздохнула. Раз уж так хотела, чтобы он пришел, то могла бы ему об этом сказать. Чуть заметный толчок, и в вагоне ярко вспыхнул свет. Машинально я зажмурилась и откинулась назад, под тень опущенной верхней полки. Поехали.

– Будешь?

Я открыла глаза. Парень, мой сосед, смотрел на меня, а на столе стояли две бутылки какого-то импортного пива.

– Нет, спасибо, – еще чего не хватало!

Вслух я, естественно, сказала только первую часть фразы, ту, где «нет, спасибо».

– Может, чего покрепче? У меня есть.

Он что, издевается надо мной? Я внимательно посмотрела на попутчика: ну да, усмехается, и глаза вон как горят, наверняка уже «принял на грудь». Так, кажется, это называется.

– Нет, спасибо, ничего не хочу, – я старалась говорить вежливо, но твердо. Я читала где-то, что с пьяными лучше не спорить, не переубеждать их, не отмалчиваться, чтобы не злить, но и не вступать в долгие разговоры.

– Да я не пьян, ты не бойся, детка.

Кажется, мне достался «веселый» попутчик. И главное, больше в нашем купе, вернее, в нашем отсеке, никого не было даже на боковых местах, чтобы хоть переключить его внимание на кого-то другого. Ну, ничего, сейчас проводница соберет билеты, принесет белье, и я лягу спать. Переживу как-нибудь эту ночь. Всего одна ночь.

– Я ничего не боюсь, – я решила не реагировать на «детку», как и на утверждение, что он не пьян. Понимала же, что спорить не стоит. Пробормотала ответ и уставилась в окно.

– В командировку в Москву?

– Да, – я старалась выразиться как можно лаконичнее, и

головы при ответе от окна не отворачивала.

– Там уже и не видно ничего, в окне-то, – прервал недолгое молчание парень, – темень сплошная.

Я, повернув голову, слабо улыбнулась и, не проронив ни слова, снова перевела взгляд на темное окно. Честно говоря, сначала он не показался мне таким болтливым. В темном стекле вагонного окна я увидела его отражение. Он сидел, довольно бесцеремонно уставившись на меня. Почему-то в этот раз я совсем не обольщалась на свой счет, хоть и выглядела, по-моему, неплохо – джинсы и свитер придавали мне уверенности. Но у меня даже мысли не мелькнуло, что он смотрит на меня потому, что я ему понравилась. Просто смотреть здесь больше не на кого. И эта уверенность меня не расстраивала, а скорее, наоборот, утешала. Потому что, во-первых, это не мой тип мужчины – одет в какие-то потертые джинсы, в том смысле, что не стильно потертые, а просто потертые. На лбу шрам, причем недавний, розоватый еще, после пьянки какой-нибудь, наверное, полученный. Да и поведение – бесцеремонное, неинтеллигентное... Нет, такие мне не нравятся. Ну а во-вторых, вполне вероятно, что сейчас, как только соберут билеты, он уйдет искать себе собутыльника или собеседника поразговорчивей и поинтересней. А я смогу спокойно лечь спать. И помечтать о том, что было бы, если бы Андрей все-таки пришел меня провожать. В мечтах же можно забыть, что он женат. В общем, полчаса, ну, в крайнем случае, час, придется подождать и можно бу-

дет ложиться.

– Билеты, пожалуйста, – проводница устало присела на край полки, – постель брать будете?

– Да, конечно, – я протянула свой билет, – сколько?

– Семьдесят пять рублей, – женщина повернулась к соседу, – а вы брать будете?

– Да, пожалуйста, – почему-то с усмешкой произнес парень, достал из кармана сторублевку и положил ее на столик, – порядок есть порядок.

– Можете и не брать, – пожала плечами проводница, – только вы же до самой Москвы едете, устанете сидеть всю ночь.

– Да-да, – как-то отстраненно согласился парень, – до самой Москвы.

Я тоже достала сто рублей. Женщина привычно отсчитала нам сдачу.

– Чай будете? – спросила она, задержав в руке мелочь.

– Нет, спасибо, я не буду, – поспешно сказала я. Мне не жалко было пять или семь рублей на чай, просто хотелось пораньше лечь.

– Спасибо, я – пиво, – улыбнулся парень, кивнув на стоящие на столе, но так и не открытые до сих пор бутылки. Даже странно.

Проводница, молча кивнув и положив на стол мелочь, прошла дальше.

– За постельным самим идти? – спросил меня сосед.

– Нет, она принесет, как только соберет билеты, – вежливо ответила я. Видно, давно он не ездил в поездах, если задает такие вопросы.

– Пойдем, покурим? – предложил попутчик, достав из висевшей за его спиной кожаной куртки красивую пачку каких-то сигарет.

– Я не курю.

– Что ж ты такая скучная-то, а? Не пьешь, не куришь...

Ну вот, дождалась. Теперь уже мне прямо в лицо говорят, что я скучная. Стало ужасно обидно. И еще обиднее то, что я не нашла сразу, что ему ответить. Просто пожала плечами и продолжила смотреть в темное окно. Глаза мои наполнились слезами. Вот тоже новость. Я уже давно не плачу. Тем более по таким пустякам. Ну, подумаешь – нагрубил какой-то пьяный дурак. Чего рыдать-то? В оконном отражении я увидела, как он, постояв секунду, снова усмехнулся и, ловко и красиво, как в кино, подбросив и поймав сигаретную пачку, ушел. Украдкой я вытерла чуть-чуть выступившую слезу. Скорей бы уж постельное белье принесли, чтобы можно было отвернуться к стенке и, придумав достойный и гордый ответ этому нахалу, уснуть. Мерный стук колес, мелькающие в темноте редкие огоньки, невнятный, еле слышный шум соседей за перегородкой постепенно успокоят меня. Вот сейчас он вернется, и я ему скажу... Во-первых, с какой стати он мне «тыкает» все время – мы с ним на брудершафт не пили, а во-вторых, не его это дело, какая я – скучная или нескучная.

Нет, лучше скажу ему с насмешкой, что мне его жаль, раз веселье для него – это курево и выпивка. Интересный человек вовсе не обязательно курит, пьет и болтает что ни попадя. И еще, грубость никогда не украшала настоящего мужчину. Я вздохнула: вот что нужно было сказать сразу. Посмотреть спокойным, даже высокомерным взглядом настоящей королевы, которую просто не могут задеть слова мелкого уличного торговца, и снисходительно произнести: «Грубость – не есть достоинство настоящего мужчины». И пусть бы краснел и смущался. Надо было. А теперь уж поздно. Что после драки кулаками-то махать? Ничего, в следующий раз обязательно скажу. И плакать не буду ни за что. И чего это вдруг на меня так подействовали его слова? Он ведь даже, если почестному-то разобраться, и не грубил. Тон у него был веселый, немного удивленный и даже какой-то сочувствующий. Человек сказал правду. И что с того, что его правда мне не понравилась? Почему я расстроилась аж до слез? Я вглядывалась в темное стекло и пыталась понять, в чем причина. Вернее, в ком? Во мне? В нем? А может быть, в Андрее? Может, мне стало обидно, что он не пришел к поезду? То есть обидело именно это, а слова соседа – всего лишь повод поплакать? Я прислушивалась к себе. Жаль, конечно, что никто не стоял под окном, провожая меня, но это в данной ситуации скорее лишь повод пожалеть, что нахал-сосед не видел, что меня провожает мужчина. Наверное, поостерегся бы грубить тогда. Я усмехнулась своим мыслям. Значит, все-та-

ки задела именно его слова. Почему?

В оконном отражении я увидела, что сосед вернулся. Как интересно! Я много ездила в поездах, иногда мне попадались интересные, приятные попутчики, и мы разговаривали, как обычно, о том, кто куда едет и какая ожидается погода в пункте назначения. Иногда встречались совершенно неразговорчивые люди, и я, помолчав и посмотрев в окно, быстро укладывалась спать. По-разному бывало. Но никогда раньше я не использовала темное стекло в качестве средства наблюдения за кем-либо. А это, оказывается, довольно удобно. Вот сейчас, например, не поворачивая головы, я знаю, что парень пришел и молча стоит в проходе, облокотившись на верхние полки, и смотрит на меня. Оконное стекло, словно большое зеркало, отражало все до мельчайших подробностей. Парень стоял, чуть покачиваясь в такт поезда, не улыбался и не хмурился, просто смотрел, как будто задумавшись о чем-то. Наверное, решал, пойти сразу искать себе сотоварищей или дождаться, пока принесут постельное белье, за которое уплачено семьдесят пять рублей. Он стоял уже довольно долго, и молчание, которого мне так хотелось вначале и от которого я, в общем-то, никогда не испытывала дискомфорта, вдруг начало тяготить меня. Его молчаливое «нависание» за моей спиной создавало ощущение опасности, хоть я и могла контролировать любое его движение. Впрочем, он и не двигался, но мне все равно стало неудобно. Как все-таки хорошо, что я еду не в купейном вагоне! В подтверждение моим мыс-

лям кто-то прошел по длинному проходу, попросив моего соседа посторониться и дав мне возможность повернуть голову, якобы среагировав на звук. Я обернулась и встретила взглядом с парнем.

– Ну что, насмотрелась? – насмешливо спросил он, усаживаясь напротив меня.

– На что? – просто отреагировала я, а ведь хотела попросить его обращаться ко мне на «вы».

– На меня, – парень широко и снисходительно улыбнулся.

Что-то насторожило меня в этой улыбке. Какое-то несоответствие, то ли слов, то ли интонации, то ли взгляда. Я не успела разобраться, что именно, потому что вдруг поняла: все это время, пока разглядывала его в «зеркале» окна, он рассматривал меня и прекрасно видел, что за ним наблюдают. Краска залила мое лицо, и стало трудно дышать. И я не нашла ничего умнее, чем сказать:

– Я на вас не смотрела.

Он засмеялся. И я расстроилась еще больше. Ну почему бы и мне ему не ответить какой-нибудь интеллигентно-изошренной грубостью? Типа «было бы, на что смотреть», или «меня пьяницы не интересуют», или еще лучше «алкоголики – не мой профиль». Конечно, это не очень интеллигентно и совсем не изошренно, ну пусть бы хоть так, чем краснеть и врать как школьница.

– Н-да, – парень постучал пальцами по столу и улыбнулся в своей непонятной манере, – я надеялся, что хоть здесь

повезет – попутчица достанется напоследок веселая, а тут... никакого просвета.

И тут я не выдержала.

– А почему вы все время мне грубите? – Мой голос дрожал, а в глазах снова появились предательские слезы. Я старалась дышать поглубже – слышала, что так можно заставить слезы уйти обратно. – Почему?

– А разве я грублю? – довольно искренне удивился попутчик.

– Конечно. – Я не смотрела на него. – Конечно, грубите – «тыкаете» все время, обзываетесь...

– Ну, прости, детка, я не хотел. Просто... – он замолк на какое-то мгновение, а затем продолжил: – Так вышло.

Ни капли раскаяния, сожаления или искренности в его словах не слышалось. Насмешка и что-то еще. Злость, что ли, какая-то. Ну и пусть! Чего же это постельное-то так долго не несут?! Скорей бы уж закончить этот бессмысленный разговор.

– Тебя как зовут-то? – Ну совсем не мог молчать парень. Я даже не понимала – пьян он или нет. Запаха алкоголя нет, пиво стояло нетронутое, координация движений у него не нарушена, а вот какая-то неестественная веселость и то ли нервозность, то ли взбудораженность чувствовалась. Может, он наркоман? Ну тогда вообще пиши пропало. Пойду к проводнику и попрошу перевести меня куда-нибудь на другое место. Вагон, слава богу, не был переполнен. Только как все

про него узнать? Я вспомнила, как однажды мы с друзьями направлялись куда-то, и к нам подошел молоденький парнишка. Он спросил что-то у одного из наших ребят, тот объяснил. А потом сказал, что незнакомец был наркоманом. Я еще спросила, откуда, мол, ты знаешь? Друг посмеялся и объяснил, что взгляд у наркомана обычно будто прозрачный, не фиксирующий на предмете. А у моего соседа, интересно, такой?

– Чего молчишь? Как звать-то тебя, детка?

– Лена. – Я говорила осторожно, стараясь не глядеть на него – боялась увидеть «прозрачный» взгляд.

– Даже зовешься ты как-то скучно. – Парень не мог скрыть своего разочарования. А меня вдруг разобрала самая настоящая злость. Ведь попросила же не грубить!

– Можно подумать, ты – Пантелеймон! – Я старалась говорить презрительно, не задумываясь ни об изощренности, ни об интеллигентности своих слов.

Парень какое-то время удивленно-весело смотрел на меня, а потом начал хохотать.

– Белье, пожалуйста, – проводница бросила на полку два запечатанных пакета.

Ее вежливые слова несколько не сочетались с ее интонацией и уж тем более с ее швыряющим жестом. Я вдруг поймала себя на мысли, что странная какая-то складывается обстановка. Я всей кожей ощущала какой-то резкий диссонанс. Странное, не явное, не кричащее, не быющее в глаза,

но от этого не менее болезненное ощущение несоответствия слов и взглядов, действий и интонаций, поступков и желаний. Противоречие между видимым и ощущаемым. Наверное, я слишком много сегодня думала о том, чего не случилось. Надо ложиться спать. Завтра будет новый день, завтра мне целый день бегать по Москве, и документы нужно отнести, и посмотреть что-нибудь хочется, и даже просто походить по городу.

– Будьте добры, достаньте мне, пожалуйста, матрац, – обращаюсь я к соседу.

– А почему Пантелеймон? – спросил он меня, даже не подумав встать.

– Потому что необычно. Вы же наверняка какой-нибудь обычный Коля или Сережа. Достаньте мне матрац.

– Я не Коля и не Сережа.

– Ну, Петя, Миша, Ваня – какая разница? – Я поняла, что матрац мне придется доставать самой. Поэтому, перечисляя приходящие мне на ум мужские имена, я расстегнула молнию на сапоге, стянула его и встала, намереваясь взгромоздиться на полку и дотянуться до свернутых в рулоны матрацев на третьей полке. Опережая меня, парень встал, легко снял один рулон и бросил его на мою полку:

– На, не смехи народ, все равно не достала бы.

– Спасибо.

Я развернула матрац и начала застилать постель. Спиной ощущая его оценивающий взгляд, почему-то покраснела, но

головы не повернула. Застелив простыни и надев на подушку наволочку, я присела на край, задумавшись, идти или не идти за одеялом.

– Меня зовут Эльнар.

Я подняла глаза. Молча. Молча потому, что сосед оказался прав: он не Коля и не Петя, имя у него действительно необычное. И взгляд совершенно нормальный – веселый.

– Не Пантелеймон, конечно, – усмехнулся парень.

– А почему Эльнар? Ты что, не русский?

Я спросила и удивилась себе. Нет, сам вопрос был очень логичен, потому что у Эльнара совершенно европейское лицо. Мой взгляд выхватил основные черты. Волосы, конечно, темные, но не жгуче-черные, скорее темно-русые. Кожа довольно светлая, и глаза светлые, то ли серые, то ли голубые, при электрическом свете трудно разглядеть. Я машинально отметила про себя, что парень был бы даже красивым, если бы не шрам, пересекавший левую бровь и деформировавший правильные черты его лица. Нет, он не восточный тип, скорее славянский. Так что вопрос логичен. А удивляло меня собственное поведение. Разве можно вот так спрашивать человека – русский он или не русский? Что за национализм? И вообще, мне-то какое дело? Но вопрос был задан.

– Я-то? Русский. – Парень немного помолчал, почему-то уставившись в темное окно, потом встряхнул головой и продолжил как ни в чем не бывало: – Родители так называли.

– А меня называли Леной, – почему-то повторила я. – Что

ж теперь, не жить? И не знакомиться ни с кем?

Я заметила, как он вздрогнул и неопределенно хмыкнул. То ли удивиться хотел, то ли рассмеяться.

– Главное, не как тебя назвали, а как ты сама себя называешь, – неожиданно серьезным голосом сказал Эльнар. Что-то смутно знакомое послышалось мне в его интонации. Я вспомнила почти сразу. Ксения вчера мне говорила почти то же самое – главное, не кому-то понравиться, а самой себе. Конечно, ей легче: у нее имя редкое, звучное. Когда она произносит «Ксения», вспоминается что-то дворянское, трогательно-забытое. «Балы, красавицы, лакеи, юнкера...».

– Сменить имя? – я покачала головой. – Но мне нравится мое.

– У тебя красивое имя, – голос у парня стал каким-то другим, трудно объяснить, что именно поменялось, но в нем вместо насмешки и снисходительности появилась какая-то заинтересованность, даже какой-то азарт. Так бывает, когда человек решает интересную задачу или головоломку.

– Красивое имя, – размеренно повторил он. – Лена. Это же Елена. Да?

Я молча кивнула головой.

– Абсолютно у всех еще со школьной скамьи, с пятого или какого-то класса, ну, в котором историю Древнего мира проходят, имя Елена ассоциируется с Еленой Прекрасной. – Эльнар снова усмехнулся и пожал плечами. – Ты вполне симпатичная, и если перед ответом на банальный вопрос

«как вас зовут?» выдержишь легкую паузу, а потом, уверенно улыбнувшись, произнесешь с достоинством: «Елена», – Эльнар довольно рассмеялся, будто решил свою интересную головоломку, – то, поверь, детка, любой мужчина вслух или про себя, но обязательно дополнит: «Прекрасная». И посмотрит на тебя совсем другими глазами.

Неожиданно я тоже рассмеялась. У меня было двойственное чувство. С одной стороны, он учил жизни, выставляя меня не слишком умной, дескать, даже имя свое правильно называть и то не можешь. А с другой стороны, его слова казались такими простыми и правильными, что спорить с ним было трудно. И обижаться совершенно не на что. Хорошо бы еще на-учиться смотреть уверенным взглядом и выдерживать «легкую паузу».

– Я постараюсь научиться, – это звучало, пожалуй, не слишком остроумно, ну что еще я могла сказать?

Почему-то в ответ разговорчивый Эльнар промолчал. Ну и ладно. Пойду я все-таки схожу за одеялом. Сейчас в вагоне вроде тепло, даже жарковато, но опыт подсказывает, что уже посреди ночи будет прохладно, а к утру я вообще замерзну. Так что лучше запастись одеялом. Я встала.

– Ты куда?

Станный вопрос, произнесенный настороженно-грубоватым тоном, меня удивил. Что это за контроль такой? Я что, отпрашиваться должна? Как в первом классе? «Можно мне выйти в туалет?»

– За одеялом. – Ну почему я никогда не могу никого поставить на место? Почему послушно отвечаю на дурацкие вопросы? Почему не могу, дернув плечом, спросить, дескать, а тебе какое дело?

– Ладно, иди.

Я шла по длинному вагонному проходу и... улыбалась. Мне было смешно, что я такая трусиха. Я ведь всегда знаю, что нужно ответить, и, в общем-то, довольно быстро придумываю ответную фразу. Пусть она не всегда остроумна или изящна, но мое мнение отражает верно. Но я никогда этих ответных фраз не произношу. Всего-то и делов – задержись на доли секунды с ответом, чтобы он всплыл в голове, сформулировался, и выплескивай его. А пауза в доли секунды придаст этому ответу значимость. Все вроде ясно. Делай! Ан нет, я отвечаю сразу, послушно, неумно и робко, или не отвечаю вовсе, принимая как должное «руководящие указания» или проглатывая обидные намеки. Почему я такая? Безответная, как корова. Не заметили – ну и ладно. Гладят – стою, хлестнули – пошла. Образ коровы мне, конечно, не нравился. Но я все равно старательно улыбалась, хоть и настроение ниже плинтуса. Так тебе и надо, раз не умеешь отбиваться. Получив у проводницы разрешение взять одеяло, я стащила его с полки и на секунду задумалась, может, и соседу прихватить? Ну, уж нет, это мужчина должен приносить одеяла, доставать матрац, ухаживать, одним словом, а не женщина. Нужно будет – сам ходит и принесет, тем более такой гру-

биян. Обойдется. И я двинулась в обратный путь. Станный этот Эльнар. Вроде только что разговаривал со мной по-человечески, заинтересованно, даже, можно сказать, по-приятельски, и тут же снова нагрубил. Станный.

Вернувшись на свое место, я для начала попросту уложила одеяло под подушку, чтобы ночью можно было легко его достать и укрыться, если замерзну. Потом, положив опять-таки под подушку свою сумочку, начала расстегивать сапоги.

– Ты что, спать собралась, что ли? – Эльнар сидел, опершись спиной о стенку, и крутил в руках сигаретную пачку.

– Да, надо ложиться, одиннадцатый час уже. – Я старалась говорить спокойно и вежливо. Пусть я корова, но корова вежливая, вполне интеллигентная, правильная такая корова.

– «Уже»? Всего! Всего только начало одиннадцатого, – Эльнар смотрел на меня почти с презрением, – пойдем покурим лучше.

– Я не курю.

Я сняла сапоги и забралась на полку с ногами. Хорошо, что джинсы у меня стрейч, тянутся хорошо, так что, в крайнем случае, можно их и не снимать. Вообще-то брюки я всегда снимала в поезде, оставаясь в колготках. Так удобнее спать, и ворсинки от белья не так пристают, но при Эльнаре мне было как-то неудобно. Уж слишком пристально следил он за каждым моим движением, так что мне не хотелось возиться с джинсами даже под простыней, как я обычно дела-

ла. Впрочем, уляжется же и он когда-нибудь, тогда стяну и джинсы.

– Да я помню, что ты не куришь, – Эльнар поднимается, – ладно, я быстро, только ты не спи.

– Почему? – Я сидела на полке, подтянув колени почти к подбородку и обняв их руками, это моя любимая поза.

– Поговорим. – Интонация у него была, прямо скажем, издевательская. Уж не знаю, что он имел в виду под своим «поговорим», но я не собиралась ему подыгрывать. И отвечать. Когда он уйдет, лягу, отвернусь к стенке и сделаю вид, что сплю.

– Я быстро, – Эльнар чуть наклонился ко мне и покачал головой, – не спи.

– Угу, – довольно неопределенно буркнула я в ответ.

Эльнар ушел. Как же – не буду спать... Ждать тебя буду, пока ты придешь и снова начнешь грубить. Все это я вслух, конечно, не произнесла, но мысленно это звучало просто здорово: в меру издевательски, в меру уверенно, в меру воспитательно. Я с наслаждением вытянулась на полке, укрывшись простыней. Можно было, конечно, и сейчас джинсы снять, пока попутчика нет, но двигаться почему-то не хотелось. Стучали колеса, чуть покачивался вагон, за окном стемнело. На боковых полках никого не было. Хорошо, тихо. В соседнем купе тоже, похоже, улеглись, потому что и там тишина. И вообще, по проходу никто уже не ходил. Пусть еще горел свет, но вагон уже засыпал. Мои глаза тоже закры-

вались, мысли начинали путаться. Андрей не пришел на вокзал, но это ничего. Может, он и хотел прийти, но я же сказала «не приходи». А имя у меня и в самом деле красивое. Елена. Эльнар произнес его как-то очень необычно. И нежно и торжественно одновременно. Странный парень. Интересно, сколько ему лет? Я повернулась к стене. Лет тридцать, наверное, почти ровесник. Впрочем, мне уже за тридцать. Только бы никто не занял боковые или наши верхние места где-нибудь посреди ночи. Хорошо бы поспать ночь спокойно...

– Эй, детка, я же сказал – не спать! – Эльнар произнес эти слова не очень громко, даже немного приглушенно. Видимо, все-таки какие-то представления о приличиях у него имелись: не орал на весь вагон. Вот и чудненько. Я не шевелилась. Я спала.

– Даже не думай притворяться – заснуть за полторы минуты невозможно. – Да, поторопилась я с выводами насчет приличий, сглазила. Мой попутчик не просто произнес эти слова, он еще сильно и бесцеремонно тряс меня за плечо. – Повернись, детка, спать я тебе не дам все равно.

– Эльнар, – я впервые назвала его по имени, и, странное дело, мне почему-то было это даже приятно, – я хочу спать. У меня завтра трудный день, мне нужно очень много успеть. Завтра будет...

– Не будет.

Я замолкла, удивленно глядя на него.

– Не будет завтра у тебя дня.

– В каком смысле?

– Ты только представь, что сегодня последняя ночь в твоей жизни, – Эльнар присел на полку рядом со мной, и я, инстинктивно подтянув колени, непроизвольно села, – последняя ночь – неужели ты ее проспичь?

– Чего это вдруг она последняя? – пожала я плечами. – С какой стати?

– Да мало ли чего, – парень смотрел на меня, странно усмехаясь, – авария, катастрофа, метеорит упадет...

– Землетрясение, цунами, инопланетяне, – продолжила я, – не смешно, извините. Так вообще можно считать каждый день последним.

– Так и нужно считать. Нужно. – Странный парень был серьезен настолько, что появилось ощущение, что он и в самом деле так думал.

– Ага, – подчеркнуто неинтеллигентно поддакнула я, – и не спать вообще.

Я даже сказала не «вообще», а «вааще». Что это на меня нашло? Я разговаривала так, будто вела беседу сама с собой. Как-то очень легко, свободно и не жалея ни об одном своем слове.

– Лучше бы, конечно, не спать, – согласился сосед, – но это нереально.

– Вот именно, – я снова попыталась лечь, – поэтому давайте укладываться.

– Совсем не спать нереально, но одну ночь, особенно если

ты точно знаешь, что она последняя...

В этот момент погас свет. Что-то мистическое было в этом, как он неожиданно погас, причем именно на словах – «она последняя», но я не желала поддаваться мимолетному смущению – подумаешь, значит, просто уже одиннадцать часов – и продолжила как ни в чем не бывало:

– Так это если точно знаешь, – легкий холодок все-таки пробежал по спине и плечам, и я чуть потеряла плечи руками, – но это, слава богу, нам знать не дано.

Неожиданно Эльнар взял меня пальцами за подбородок и заглянул мне в глаза. Я впервые посмотрела ему прямо в глаза и от того, что я в них увидела, я растерялась. Там была тоска. В полумраке вагона, в слабом отблеске отраженного света, я отчетливо видела выражение его глаз. Тоска. Глубоко запрятанная, наверное, даже неосознаваемая. Я была так ошеломлена, что даже не пыталась вырваться из его пальцев, сжимающих мой подбородок. А он неожиданно сказал, все так же странно усмехаясь:

– Играть так играть. Вдвоем даже интереснее.

Он отпустил меня и откинулся к стене, но с моей полки не уходил, по-прежнему заставляя меня сидеть с поджатыми ногами. Впрочем, мне пока было достаточно удобно. Еще бы понять, о чем он говорит.

– Я хотел просто напиться и просто потрахаться с кем-нибудь, все равно с кем. Мне на все наплевать.

Его грубость корбила меня, но я молчала, потому что

чувствовала, что сейчас он говорит не со мной. Кроме того, я смущалась от его неприличных слов, и если сейчас сказала бы что-нибудь, то он бы заметил, что я покраснела, и сказал бы еще что-нибудь обидное, а так, может, и не заметит. Хорошо, что все-таки темно.

– Однако просто почему-то не получается, но, может, и правда так поинтересней. – Голос у него был злой, совсем не совпадавший со словами про интерес, и с оттенком жуткой тоски. Эльнар повернулся ко мне. Его глаза лихорадочно блестели, а губы кривились в неприятной ухмылке.

– Знаешь, детка, сейчас я тебе кое-что покажу.

Я молчала, словно загипнотизированная его взглядом. Почему-то мне стало страшно. А он продолжал:

– Только ты должна дать мне слово, что не закричишь.

Чего я боюсь? Мы не в купе, дверей нет, кругом люди. Оружия у него в руках нет. Чего я боюсь?

– Смотри, что ты покажешь. Вдруг у тебя в сумке труп? – я попыталась пошутить, унимая начавшие дрожать колени. – Я не хочу смотреть на труп. И буду сопротивляться.

Он усмехнулся и быстро выглянул в проход. Потом встал, приподнимая крышку своей полки, и повернулся ко мне:

– Вставай.

Мне не было видно, что там, в отделении для сумок под его полкой, но его взгляд мне не нравился, и я пыталась отшутиться:

– Может, лучше не надо? Можно, я просто буду спать? А

то плохой сон потом приснится...

– Вставай, – Эльнар резко схватил меня за плечо и рывком заставил подняться. Я возмущенно поглядела на него и тяжело задышала – верный признак, что я зайдусь в крике или заплачу, – как он смеет так обращаться со мной?! Но ни того, ни другого я не успела. Потому что Эльнар крепко зажал мне рот рукой и почти силой наклонил к открытому сиденью. Свободной рукой расстегнул молнию на стоящей там сумке и... Хорошо, что он зажал мне рот, а то я бы точно заорала. Не вскрикнула, не всхлипнула, а именно заорала. Потому что в сумке была бомба. Я поняла это с первого взгляда, потому что все время смотрю новости. И боевики люблю. Хорошие боевики, качественные, правдоподобные.

– Если будешь кричать, я взорву ее прямо сейчас, – тихо сказал мне на ухо Эльнар, – и все.

Меня трясло. Я смотрела на своего попутчика, и дрожь колотила мое тело, как будто я билась в конвульсиях. Она охватывала меня все сильнее и сильнее, голова тряслась из стороны в сторону, ноги подогнулись, и мне стало совершенно нечем дышать. Я, задыхаясь, рвалась из рук парня. Еще мгновение, и я просто задохнусь. Легкая пощечина неожиданно открыла путь воздуху в мои легкие, словно выбив невидимую пробку из горла, а крепкие руки, быстро прижавшие мою голову к мужской груди, не показались ни грубыми, ни страшными. Странное чувство – стоять, уткнувшись в мужской свитер, и думать о том, что так дышать намного

легче. Легче не видеть ничего вокруг. Ни страшную сумку, начиненную смертью, ни лицо человека, принесшего смерть в вагон. Террорист. Я вздрогнула и сильно оттолкнулась руками от мужской груди. Эльнар, видимо от неожиданности, выпустил меня, но тут же схватил снова, теперь уже за плечи. Он смотрел мне прямо в глаза и ничего не говорил, но я понимала его взгляд – одно слово, и мы взлетим на воздух. «И все». И я молчала. Молчала и смотрела, снова словно загнипнотизированная его серыми глазами. Да, серыми. Мне хорошо было видно, потому что его лицо оказалось рядом. Он был выше меня, но, склонившись надо мной, будто специально, чтобы наши глаза находились на одном уровне и совсем-совсем рядом, напряженно смотрел в мои глаза. Потом осторожно поцеловал меня в лоб и, не отпуская моих плеч, усадил на полку. Я слушала его, словно кукла или больная, обессиленная, измученная... корова. Да, корова, которую ведут на бойню. Откуда-то из глубины почти помутившегося рассудка яростно всплывала, карабкаясь изо всех сил, отчаянная надежда – а может, это не для поезда? Не для нашего вагона? Не для нас? Может, не для меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.